Текст · 8 августа 2022, 15:02
Ли Болдуин, Шон Уильямс,

Владимир Путин и ренацификация Германии. Как на излете Холодной войны офицер КГБ и немецкая охранка создавали в стране неонацистское подполье

В самом конце Холодной войны Райнер Зоннтаг способствовал становлению в Германии неонацистского движения, которое доставляет проблемы и сегодня, десятилетия спустя. А еще он был агентом КГБ — и работал на Владимира Путина. «Медиазона» с разрешения журнала *The Atavist* публикует перевод большого историко-политического расследования о том, как Путин на практике учился реалполитик в Германии.

I

31 мая 1991 года, на закате, улицы Дрездена кипели энергией. Весь день ходили слухи, что в недавно появившемся квартале «красных фонарей» что-то затевается. Полтора года прошло с падения Берлинской стены, и за это время окутанный смогом и обезображенный бомбардировками Второй мировой город из бывшей Восточной Германии сильно изменился. Его наводнили западные веяния, в том числе наркотики, азартные игры и проституция. В киосках, где раньше продавали сухую официальную газету компартии *Neues Deutschland*, появились немецкие версии журналов *Playboy* и *Hustler*. Одному человеку пришло в голову очистить этот город.

Его звали Райнер Зоннтаг, и он был истовым неонацистом.

Зоннтаг родился и вырос в Дрездене, но за пять лет до падения ГДР бежал в Западную Германию. Всегда готовый к уличным дракам, к моменту падения стены он стал одним из самых влиятельных неонацистов ФРГ. Вернувшись домой, он быстро сколотил пеструю шайку из единомышленников, которым хотелось избавить Дрезден от тошнотворного влияния Запада. Большинство жили в мрачном районе рабочих новостроек Горбиц, на западной окраине города. Крушение социалистического режима лишило тамошнюю молодежь всякого ощущения стабильности и смысла жизни. У Зоннтага была невероятная способность притягивать городскую молодежь, которой нужно было выплеснуть свою злость. Горбицкие подростки стали называть его Шериф.

«Очистку» города шайка неонацистов под началом Зоннтага начала с *Hütchenspieler* — наперсточников, которые облюбовали центральную дрезденскую улицу, Прагерштрассе. Молодежь надевала на них наручники и передавала полицейским. Потом они стали преследовать торговцев сигаретами — вьетнамцев. Потом озаботились борделями. И неважно, что еще совсем недавно Зоннтаг сам работал в квартале «красных фонарей» в западной Германии; нападение на бордель *Sex Shopping Center* он назначил на полночь 31 мая.

Весь вечер ультраправая молодежь — одни с гладко выбритыми головами, другие с пышными стрижками-маллетами, которые все еще были

в моде в бывших странах соцлагеря, — собиралась неподалеку от борделя, в барах и около порно-киносалона «Дворец фавна». Зоннтаг готовился дать сигнал к началу нападения, сидя в припаркованной рядом машине. *Sex Shopping Center* держали греческий сутенер Николас Симеонидис и его напарник Ронни Матц.

Около 11:45 вечера, пока армия Зоннтага собиралась под выцветшей неоновой вывеской «Дворца фавна», туда на черном «Мерседесе» подъехали Симеонидис и Матц. Небольшого роста, бывший боксер (16 побед, 1 поражение), Симеонидис достал обрез. «Проваливайте», — крикнул он толпе человек из сорока. Ствол описал широкую дугу, и неонацисты бросились врассыпную, попрятавшись за машинами и кустами. «Оставьте нас в покое!» — прокричал сутенер.

Зоннтаг открыл дверь и вылез из машины. Среднего роста, крепко сбитый, с темными вьющимися волосами и доброжелательным лицом, по которому казалось, будто оно вот-вот расплывется в заразительной улыбке — в нем было столько же обаяния, сколько и жестокости. Он не был склонен отступать только потому, что у оппонента было оружие, особенно на глазах у своих. «Ну давай! Стреляй, ссыкло!» — нагнетал Зоннтаг, снимая куртку и размеренно шагая навстречу Симеонидису.

Прятавшиеся за машинами и кустами неонацисты почувствовали, что расклад сил меняется. Один за другим они стали выбираться из укрытий и подходить к вожаку. За ним они готовы были пойти куда угодно.

Впрочем, юные последователи Зоннтага не знали, что у него есть страшная тайна. Пока все знали его только как неонациста, для восточногерманской тайной полиции Штази он был чем-то большим — агентом. Более того, у него были связи с КГБ. Вплоть до падения «железного занавеса» одним из его тамошних кураторов был молодой амбициозный офицер КГБ, дислоцированный в Дрездене. Звали этого офицера Владимир Путин.

История, рассказанная в этом материале, основана на десятках интервью с неонацистами, свидетелями тех событий и бывшими сотрудниками госбезопасности, а также на сотнях страниц из архивных дел Штази и протоколов судебных заседаний. Это история о том, как за 30 лет до вторжения в Украину во имя «денацификации» Владимир Путин вместе с коллегами-разведчиками помогал становлению неонацистского движения в Германии. И главным их агентом, который сеял ненависть и раздор, был Райнер Зоннтаг.

II

Зоннтаг, урожденный Райнер Мерсевски, появился на свет в 1955 году. Отца он никогда не знал, поэтому взял фамилию отчима. Он рос неблагополучным ребенком, и закончить школу смог, только оставшись на второй год в предпоследнем классе. Учителя

называли его незаинтересованным, слабовольным и вспыльчивым учеником. Ему все время нужно было самоутверждаться, но при этом не хватало целеустремленности, говорили они. Его постоянно наказывали за то, что он срывал уроки.

Когда Зоннтаг вступил в «Союз свободной немецкой молодежи»[1] *(FDJ)*, ему поручили заниматься агитпропом; еще он вел тренировки в Дрезденской федерации гимнастики и спорта. Стал учеником мастера на заводе и вскоре получил повестку в армию — в десант. Но Зоннтаг не собирался становиться партийной шестеркой или тянуть скучную лямку рабочего. Он начал попадать в передряги. В 1972 году полиция расследовала инцидент на местном катке: Зоннтаг «безо всякого повода» бил других подростков по лицу. Хуже того, по мнению чиновников, он проявлял идейную слабость. Учителя как-то раз поймали его за пением похабной антисоветской песни на футбольном матче — такие пятна на репутации остаются в личных делах навсегда.

К 1973 году, когда Зоннтагу исполнялось 18, его будущее не выглядело радужным. В феврале того года он выпивал с тремя друзьями, в том числе бывшим одношкольником, которого в официальных документах называют «Ханс Петер». Они встретились в старомодной пивной *Gasthof Wölfnitz*, чтобы обсудить дерзкий план побега на Запад. Со времени появления Берлинской стены в 1961 году около 150 тысяч немцев бежали из ГДР на запад. Еще больше было неудавшихся попыток.

Один из друзей Зоннтага рассказал собравшимся-, что его младший брат нашел в парке пистолет,

ржавый и сломанный, но они его почистили и нанесли новое покрытие. Они надеялись, что скоро починят пистолет, и тогда он может пригодиться во время побега. Другой приятель Зонтага занимался альпинизмом, что тоже могло оказаться весьма кстати при переходе границы. Молодые люди стали обсуждать маршрут: сначала в Чехословакию, потом — в Австрию, а уже оттуда — в ФРГ. Выпив пива, они условились стартовать в этом же месяце и разошлись по домам.

Иллюстрация: Sam Green / The Atavist Magazine

Но приступили к реализации своего плана они только через полгода, летом, и только Зонтаг с другом решились отправиться в путь. В июле, как только мама, отчим и брат уехали на каникулы, Зонтаг перерыл весь сервант в поисках конверта, который там должен был лежать. В конверте лежали 350 марок ГДР, а рядом нашелся еще один — в нем были 120 чехословацких крон. Деньги он собирался вернуть родителям, когда доберется до Западной Германии и найдет работу.

Зонтаг с другом сели на автобус до Альтенберга, красивого средневекового городка в горах Восточной Германии, рядом с чехословацкой границей. Чтобы отвести от себя возможные подозрения, они решили пару дней послоняться по городу, прежде чем

отправляться в соседнюю соцстрану. Два дня спустя, встав пораньше, они обменяли остававшиеся марки на кроны. В 9:45 Зоннтаг подошел к границе. Из вещей у него было только два свитера, два ножа и документы, а деньги он спрятал в ботинке.

Его с другом быстро разделили и стали допрашивать: какова цель их визита в Чехословакию? Зоннтаг сообщил пограничнику, что собирается на соревнования по парашютному спорту в Прагу. Но его друг озвучил другую версию, что они собирались остановиться в курортном городке Теплице. Потом пограничники нашли деньги в ботинке Зоннтага.

Даже если бы истории друзей совпадали, у них не было никаких шансов. Весь план их побега был скрупулезно изложен в папке тайной полиции под кодовым обозначением «Токарь». Штази собирала общую картину по крупицам по коллегам и соседям Зоннтага, в дрезденской полиции и у осведомителя под кодовым именем «Ханс Петер».

Уже к середине того дня Зоннтаг и его друг были в Дрездене, на допросе в управлении Штази. «Я знал, что мне нельзя на капиталистический Запад, — говорится в чистосердечном признании Зоннтага, которое приложено к его 230-страничному делу в берлинском архиве спецслужбы. — Хотя мне это было известно, я все равно хотел уехать». Его приговорили к 18 месяцам.

Пока Зоннтаг отбывал свой срок, его переводили из одного места заключения в другое; побывал он и в печально известной тюрьме Штази в Баутцене, также известную как «Желтая скорбь».

Где бы он ни был, Зоннтаг боролся с системой. Он издевался над охранниками, делая вид, что покорно исполняет все требования. «Я показываю им идеальную камеру, красивую, как на картинке, — вспоминал он. — Три раза ее обыскивали и ничего не нашли». Большую часть своего свободного времени заключенные тратили на то, чтобы набивать друг другу простенькие татуировки, и Зоннтаг, который, по данным осведомителей Штази, неплохо рисовал, часто придумывал, что именно наколоть.

В феврале 1974 года он написал письмо, которое собирался тайком передать во время свидания с родными. «Охранники мечтают отправить меня в одиночку, но у них никак не выходит, я хитрее», — писал он. Самоуверенность Зоннтага сыграла с ним злую шутку. По пути на свидание его обыскали и нашли письмо в рукаве. В наказание он отправился на три недели в одиночную камеру.

Мы не знаем, стала ли именно тюрьма причиной ультраправого сдвига в жизни Зоннтага, но одно можно утверждать с уверенностью: избежать соприкосновения с национал-социализмом за решеткой он никак не мог. Восточногерманская пенитенциарная система была, по сути, нацистским университетом. За решеткой сидело множество экстремистов и военных преступников, которые проповедовали свои радикальные взгляды и вербовали новых сторонников. По словам Инго Хассельбаха, раскаявшегося ультраправого радикала, который сидел в конце 1980-х, на день рождения Адольфа Гитлера заключенные-нацисты рисовали на туалетной бумаге свастики и носили такие повязки на рукавах. «Вам это может показаться убогим,

но тогда это воспринималось как невероятная провокация, — пишет он в своей книге воспоминаний "Экс-фюрер: воспоминания бывшего неонациста". — Эти люди очень сильно повлияли на меня и на многих других». Некоторые заключенные считали нацизм самой чистой формой противостояния коммунизму — идеологии, приверженцы которой отправили их в тюрьму. Парадоксальным образом, ультраправые взгляды и правда были в то время выражением антиавторитарной позиции.

Партия и правительство такую реальность не признавали. «Официально в ГДР нацизма не существовало», — говорит Бернд Вагнер, комиссар полиции, который в 1985 году предупреждал о поднимающейся волне неонацизма, но в Политбюро его доклад просто положили под сукно. Ответ начальства был настолько же прост, насколько и наивен: «В социалистическом раю нацизма быть не может».

После того, как Зоннтаг вышел из тюрьмы, у него опять начались проблемы с властями. Ему поставили ультиматум: работать информатором дрезденской полиции или вернуться за решетку. Теперь для свободы требовалось шпионить за друзьями. Он согласился стать сексотом, но был как никогда полон решимости вырваться из ГДР. Совсем скоро он начал планировать новый побег на Запад.

На этот раз все было сложнее: из-за уголовного срока полиция конфисковала у него документы. О том, чтобы перейти границу легально, и речи быть не могло. За пивом в баре *Rudolf-Renner-Eck* был придуман новый план: Зоннтаг спрячется в багажнике, а

его сообщники, в том числе девушка с ребенком, постараются отвлечь пограничников на границе ГДР и Польши, чтобы те не стали обыскивать машину. В Польше автомобиль можно будет продать, а на вырученные деньги бежать из соцлагеря Балтийским морем. Но власти были на несколько шагов впереди: на этот раз его выдала мать девушки.

В итоге в 1975 году Зоннтаг снова оказался в тюрьме — по обвинению в «попытке бегства из Республики». Пока он сидел, он оставался информатором дрезденской полиции. Стучать на других заключенных в ГДР было выгодно: взамен можно было получить всевозможные поблажки — от сигарет до более комфортабельной камеры или даже досрочного освобождения. И хотя дело это было крайне опасное, Зоннтаг пошел на риск. Его выпустили три с половиной года спустя, но почти сразу он снова оказался в тюрьме — за кражу. Вышел через два года, в 1981-м, и больше уже не садился.

На воле Зоннтаг оказался ни с чем, и план побега на Запад, казалось, был обречен оставаться мечтой. Но кое-что на Востоке начинало меняться. Много лет власти ГДР передавали заключенных ФРГ за «выкуп» в валюте. В начале 1980-х эта практика расширилась, и тысячи восточных немцев стали подавать заявления на выезд. В теории Западная Германия платила Восточной, чтобы вызволить узников совести, но на практике никогда не было известно, кого именно передадут. «ГДР сваливает на нас своих неонацистов», — жаловался один из западногерманских политиков в интервью *die Zeit* в 1989 году.

Восточногерманские власти заворачивали гораздо больше заявлений на выезд, чем утверждали, но Зоннтагу было особо нечего терять. В 1984 году он подал документы. Если на тот момент у него уже и были связи в ультраправой среде (учитывая, сколько он отсидел, это очень вероятно), он оставил их в тайне. Своим тогдашним собутыльникам он говорил, что, если его выпустят, в ФРГ он пойдет в армию или станет частным детективом.

Штази следила за ним максимально пристально. Как пишет в своей книге «Штазиленд» австралийская журналистка Анна Фандер, «людей, которые просили о выезде, разумеется, подозревали в том, что они хотят уехать». Другими словами, подать заявление можно было совершенно законно, но власти могли трактовать его как проявление антигосударственных настроений. Как только Зоннтаг подал документы, против него началось расследование.

Оперативники были уверены — если Зоннтагу откажут в выезде, он попытается бежать из страны, — и составили на такой случай план операции из 16 пунктов. Вездесущие осведомители Штази (псевдонимы: «Петер», «Бергер», «Ницше», «Пилот», «Зандер», «Роланд», «Эберхард», «Бринкман») следили за каждым его шагом. Они ходили за ним в мастерскую, где он работал упаковщиком, сидели в его любимых питейных заведениях, даже прятались рядом с его квартирой.

Чаще всего донесения были невозможно скучными. «Могу подтвердить, что 6 октября Зоннтаг с девушкой находились в его квартире, — говорится в типичном отчете информатора "Гольдбаха". —

Судя по голосам в коридоре и свету, который горел на кухне и в гостиной, оба были дома. Мне не удалось установить, находились ли в квартире другие люди. Однако мне показалось, что там могли быть и несколько других женщин. У меня не создалось впечатления, что кто-либо собирался вечером покидать квартиру».

Но за унылыми бюрократическими кулисами полицейской слежки в игру вступала более мощная сила.

III

Клаус Цухольд называл невысокого светловолосого заместителя начальника дрезденского отдела КГБ просто — Володя.

28-летний куратор-стажер Цухольд познакомился с ним в сентябре 1985 года, на футбольном матче, который устроило Штази. 32-летний Путин, способный спортсмен, играл нападающего. Как и у большинства шпионов той поры, у него было прикрытие: официально в Дрездене он числился посольским переводчиком, хоть и едва знал немецкий. С Цухольдом они говорили по-русски.

Путин приехал в Германию из Ленинграда за месяц до того матча, а следом за ним туда перебрались его жена и маленькая дочь. Он служил в Первом управлении КГБ, которое отвечало за внешнюю разведку, и в Дрездене у него были трехкомнатные апартаменты в нескольких минутах ходьбы от местной штаб-квартиры комитета,

скромного городского особняка на утопающей в зелени Ангеликаштрассе.

Путин любил встречаться со своими контрагентами по разведке в пивных. «Тут-то я килограммов двенадцать и прибавил, — вспоминал он в книге "От первого лица". — Мы регулярно ездили в маленький городишко Радеберг, а там был один из лучших пивных заводов в Восточной Германии. Я брал такой баллон на три с лишним литра. Пиво в него наливаешь, потом краник нажимаешь — и пьешь как из бочки. Вот и получалось в неделю регулярно 3,8 литра пива. И до работы два шага от дома, так что лишние калории не сбросишь».

Берлин, шпионская столица «холодной войны», был в 150 километрах к северу. В сравнении с ним Дрезден мог показаться тихой заводью. В здании КГБ на Ангеликаштрассе было всего шесть сотрудников, но работы у них хватало. Город был перевалочным пунктом для контрабанды — алмазы, антиквариат, оружие, — которая поддерживала анемичную экономику соцстран. А еще здесь базировался *Robotron* — крупнейший производитель компьютеров в ГДР, успех которого обеспечила кража технологий у западных технологических гигантов, в том числе *IBM*.

Иллюстрация: Sam Green / The Atavist Magazine

Вскоре Путина повысили до связного КГБ со Штази — дрезденская штаб-квартира и тюрьма тайной полиции располагались в здании бывшей бумажной мануфактуры. Он также возглавлял следственную группу, которая состояла из оперативников КГБ и сотрудников так называемого подразделения KI восточногерманской полиции. Их задачей было выявление среди граждан «враждебных элементов» и слежка за людьми, которые подозревались в желании бежать на Запад. У подразделения KI была огромная сеть из 15 тысяч активных информаторов. Вместе с «неофициальными сотрудниками» *(IM, inoffizieller Mitarbeiter)* Штази число осведомителей в ГДР переваливало за 200 тысяч, по одному на 63 жителя страны. «За всеми следят, — рассказывал Путин в "От первого лица". — Конечно, это было ненормально, неестественно».

Взаимоотношения КГБ, Штази и KI были сложными. Формально KI входила в состав народной полиции и подчинялась министерству внутренних дел. Но в реальности подразделением руководили из Штази, которая была не в восторге от того, что некоторых их сотрудников контролировал офицер КГБ. СССР

воспринимался не только как союзник, но и как оккупант — многие восточные немцы помнили, как жестоко вели себя советские войска в 1945-м.

Но несмотря на не вполне дружеские отношения, КГБ и Штази все-таки были «братскими» организациями. Когда Путин продвинулся по карьерной лестнице, ему дали удостоверение немецкой тайной полиции и свободный доступ в дрезденскую штаб-квартиру Штази на Баутцнерштрассе. В помощники ему назначили офицера КГБ Георга Йоханнеса Шнайдера — загорелого, с короткой стрижкой бывшего полицейского, который увлекался охотой, а еще реставрировал старинную мебель и обставлял ею свою просторную квартиру, где жил с женой-журналисткой.

Именно Шнайдер привлек Клауса Цухольда к вербовке агентов для КГБ в Дрездене. Они познакомились на мероприятии для сотрудников правоохранительных органов, которое проходило за городом, у чехословацкой границы, где саксонские леса подбираются к подножиям Эльбских Песчаниковых гор. Почти все разошлись спать, когда Шнайдер подошел к Цухольду, офицеру Штази, который работал под псевдонимом Франк Волльвебер, и поднял бокал. «*Prost Aufklärung*[2]», —

такой тост он произнес, согласно расследованию немецкого издания *Correctiv* 2015 года. За разведку.

Мягко говоря, это был смелый ход. Двумя словами Шнайдер выдал себя как тайного оперативника КГБ. Но Цухольд и глазом не повел. Они немного выпили и договорились о встрече. Совсем скоро Цухольд стал негласно сотрудничать со Шнайдером

и Путиным. Когда его начальство в Штази узнало, что он встречался с офицером КГБ, они перевели его в другой отдел, надеясь ограничить его доступ к информации, которая могла заинтересовать советских коллег.

И тем не менее Цухольд оказался весьма полезен. Вместе с Путиным и Шнайдером они развернули сеть примерно из 20 агентов КГБ, которым ежемесячно платили за информацию — зачастую всего по 50 марок (38 долларов на сегодняшние деньги). В основном это были жители Дрездена, у которых были связи на Западе. Среди агентов Цухольда была журналистка с обширными международными связями и человек, имя которого он не раскрывает, но утверждает, что теперь он судья высокого ранга.

Цухольд хорошо справлялся со своей работой, но у Шнайдера получалось еще лучше. Он был эксцентриком, которому было плевать на правила, и его неуемная энергия и харизма позволяли с легкостью привлекать людей на свою сторону. Одним из самых больших его достижений была наладка канала, по которому в Западную Германию переправляли немецкоговорящих латиноамериканцев, завербованных КГБ.

Шнайдер любил щеголять в одежде для сафари и темных очках. «Он выглядел как мафиозник, — говорит Цухольд. — При этом с ним было очень весело. И людей к нему тянуло, как магнитом». Но у Шнайдера была темная сторона. Он был женат на прелестной рыжеволосой девушке — к которой, как уверен Цухольд, ревновал Путин, — но при этом был чудовищным бабником. Шнайдер спал не только

с информантками, но и с женами и девушками сослуживцев. Ходили слухи, что он изнасиловал 10-летнюю дочь одного из своих информаторов, хотя дело так и не было возбуждено.

Вскоре Владимира Путина снова повысили в должности, в большой степени благодаря вербовочным усилиям Шнайдера. «Путин обязан ему всеми своими успехами в Дрездене», — считает Цухольд. Именно Шнайдеру пришла в голову мысль превратить Райнера Зоннтага из мелкого полицейского информатора в нечто совсем иное.

Шнайдер завербовал Зоннтага еще в те времена, когда служил в дрезденской полиции. С тех пор Зоннтаг стал ультраправым радикалом — один из осведомителей Штази утверждал, что он даже продавал из-под полы нацистскую атрибутику. Когда Шнайдеру на стол легло заявление Зоннтага о выезде на Запад, он разглядел прекрасную возможность: что если ГДР — а благодаря Путину еще и КГБ — удастся заслать его в качестве активного информатора по другую сторону Берлинской стены?

У Штази был богатый опыт использования в своих целях ультраправых активистов. Когда в Иерусалиме шел суд над нацистским преступником Адольфом Эйхманом, тайная полиция ГДР спонсировала кампанию в его поддержку и фабриковала письма «ветеранов Ваффен-СС», которые якобы призывали товарищей на «борьбу с жидобольшевизмом» — все для того, чтобы выставить власти ФРГ в неприглядном свете. Ту же цель преследовали агенты Штази, которые на рубеже 50-х и 60-х разрисовывали свастиками еврейские кладбища по всей Западной

Германии. Позднее, в 1980-е, был завербован Одфрид Хепп, один из самых разыскиваемых неонацистских террористов ФРГ. Когда стало очевидно, что Хеппу не удастся избежать ареста, он бежал в Восточную Германию и оттуда был переправлен в Сирию с новыми документами.

Немецкая журналистка Регине Игель, которая изучает экстремизм в современной Германии, уверена, что у разведки ГДР «была масштабная и долгосрочная программа поддержки немецкого и международного терроризма», в рамках которой для дестабилизации обстановки на Западе использовались ультраправые и ультралевые группировки. Впрочем, во времена Зоннтага подход властей стал более прагматичным: они старались предотвратить атаки неонацистов на приграничную инфраструктуру и не допустить распространения их идеологии в ГДР. «Они руководствовались принципом "враг моего врага — мой друг", — говорит историк Бернхард Блюменау. — Это была квинтэссенция реалполитик[3]».

Отправлять Зоннтага в ФРГ было рискованно. Он был одиночкой без особенных связей и, оказавшись на свободе, с большой долей вероятности мог просто исчезнуть. Но ему предстояло приятно удивить своих кураторов.

IV

В 1986 году, когда Зоннтаг приехал в ФРГ, он первым делом попал в лагерь для беженцев в Гисене, к северу от Франкфурта. Там он стал

хвастаться, что его «выкупили» — как узника совести. Жителей гисенского лагеря постоянно допрашивала западногерманская разведка, а возможно, и коллеги из Великобритании, Франции и США. Зонтагу явно удалось скрыть свою связь со Шнайдером и Путиным: власти довольно быстро разрешили ему покинуть Гисен, чтобы начать новую жизнь в Западной Германии.

Довольно скоро Зонтаг освоился в криминальном мире Франкфурта. Имея хорошо поставленный удар и несколько уголовных сроков за плечами, он отлично вписался. Пошел работать вышибалой в бордель — «шлюхосмотрителем», как он сам это называл. И даже попал под суд за хранение оружия и нанесение телесных повреждений; детали преступления установить не удалось — судебные дела в то время обычно довольно быстро уничтожались.

Все это время Зонтаг рапортовал Шнайдеру и Путину. Даже Цухольд не знает, как именно они держали связь, но в то время у Штази было довольно много средств для этого. Например, встречаться на территории дружественных соцстран, вроде Чехословакии и Венгрии. Или на заправках автобана в Западный Берлин, которые контролировала тайная полиция. По крайней мере, поначалу Зонтаг был простым информатором, а не важным агентом, которому могли бы поручить курьерские функции или снабдить радиопередатчиком. И уж тем более кураторы не стали бы сами ехать ради встречи с ним на Запад.

Иллюстрация: Sam Green / The Atavist Magazine

Все изменилось в 1988 году, когда Райнер Зоннтаг попался на глаза самому влиятельному неонацисту Западной Германии — самопровозглашенному фюреру грядущего «Четвертого рейха» Михаэлю Кюнену. В отличие от Зоннтага, бузотера с рабочих окраин, Кюнен был статным отставным солдатом, с военной выправкой, мощными скулами и всегда в безупречно выглаженной форме. Настоящий герой нацистского пропагандистского фильма. А еще Кюнен был изощренным стратегом и провокатором. В мае 1978 года группа неонацистов под его руководством прошла по центру Гамбурга в ослиных масках и с плакатами «Я — осел, который все еще верит, что евреев убивали в газовых камерах немецких концлагерей».

Кюнен хотел прийти к власти через законные выборы — как Гитлер. Он и его последователи основывали одну политическую партию за другой: «Национальная ассамблея», «Национальный список», «Национальная альтернатива», «Немецкая альтернатива», «Антисионистский легион», «Сообщество единомышленников Нового фронта» и так далее. Хитросплетение этих организаций способно сбить с толку любого исследователя или антифашиста, но общая идея была довольно простая: как только власти запрещали какую-нибудь из его

партий, Кюнен сразу основывал новую. «У нас не было одной мощной политической организации, а было множество маленьких, потому что их сложнее запретить», — вспоминает Кристиан Ворх, который в 1980-е был правой рукой Кюнена и до сих пор остается активным участником неонацистского движения. Для властей ФРГ это была бесконечная игра в «казаки-разбойники».

При этом за политическим фасадом скрывалось террористическое подполье. Насилие началось в 1970 году, когда у советского военного памятника в западноберлинском Тиргартене был ранен стоявший в карауле солдат. Это была первая в череде кровавых акций ультраправых активистов. Через несколько лет они уже закладывали бомбы и грабили банки. В 1979 году были арестованы трое неонацистов, которые планировали нападение на штаб-квартиру западногерманских коммунистов. Один из них украл большую партию цианида натрия, при помощи которого он собирался отравить охранников берлинской тюрьмы Шпандау и освободить ее единственного заключенного — бывшего заместителя фюрера Рудольфа Гесса.

Примерно тогда же Кюнен был приговорен к трем с половиной годам тюрьмы за призывы к насилию и разжигание вражды. Пока он был за решеткой, волна насилия, которую он поднял, привела к одному из самых чудовищных преступлений в истории послевоенной Германии. 26 сентября 1980 года во время празднования Октоберфеста в Мюнхене сработало заложенное в урне взрывное устройство. 13 человек погибли, больше 200 были ранены. Три месяца спустя были убиты лидер еврейской общины

и его девушка. В 1981 году, в ходе расследования этих преступлений, в Нижней Саксонии был обнаружен самый большой схрон с оружием со времен Второй мировой: в лесу было спрятано 88 ящиков, в которых лежало 50 одноразовых гранатометов «Панцерфауст», 14 единиц огнестрельного оружия, 258 ручных гранат, почти 200 килограммов взрывчатки и 13 500 патронов.

Когда Кюнен вышел из тюрьмы, он обустроил штаб-квартиру к югу от Франкфурта, в небольшом городке Ланген, средневековая площадь которого словно вышла из детской книжки сказок. В нескольких кварталах оттуда, на Штрассе дер Дойчен Айнхайт[4], располагалось совсем другое здание — модернистский комплекс, построенный в конце 1950-х для восточных немцев, которые бежали от коммунизма. С тех пор он стал приютом для беженцев из всех стран соцлагеря, которые останавливались там, пока искали работу и постоянное жилье. Разумеется, из-за бюрократических проволочек многие застревали тут, комплекс был перенаселен, и фрустрация его жителей выливалась на ближневосточных и африканских мигрантов, которые искали в ФРГ спасение от нищеты и насилия. «Вы только посмотрите, кто у нас просит убежища, — говорил глава право-консервативного "Союза изгнанных", который объединял немцев, потерявших имущество в ГДР. — У них у всех по большому телевизору, видеомагнитофону и машине».

Этот конфликт превратил Ланген в неофициальную столицу растущего неонацистского движения ФРГ. Ультраправые политики вроде Кюнена привлекали

банды скинхедов, чтобы они раздавали листовки около школ и патрулировали парки и детские площадки, избивая представителей этнических меньшинств. Их целью было сделать Ланген *ausländerfrei* — «свободным от иностранцев», и в небольшом городке она была куда более достижима, чем в западногерманских мегаполисах. «Двадцать человек в Лангене стоят двухсот, трехсот или даже четырехсот во Франкфурте», — говорил Ворх.

К 1988-му Кюнену нужны были новые преданные сторонники. За два года до этого он совершил каминаут. Он писал: «Сексуальные отношения между мужчинами, которые произрастают из дружбы и любви и укрепляются преданностью братству, никогда не смогут навредить этому братству». Слухи о его сексуальной ориентации ходили давно, но открыто заявить о ней Кюнена вынудил диагноз — ВИЧ. Другие влиятельные неонацисты стали нарезать вокруг него круги, надеясь использовать болезнь как повод сбросить его с трона, так что Кюнен старался окружить себя плотным кругом проверенных соратников.

Среди них был и Зоннтаг. Как и когда они познакомились с Кюненом, до конца не ясно, но, по словам Ворха, Зоннтаг стал его «начальником службы охраны». На практике это означало, что он был личным телохранителем самого влиятельного неонациста ФРГ. В его обязанности, помимо прочего, входило выявление шпионов и предателей.

Кроме того, Зоннтаг лично отобрал и возглавил взвод бойцов, которые выходили на драки с ультралевыми группировками Лангена и Франкфурта. Он всегда

сам шел во главе. Во время протестов, под газовыми шашками полиции, Зоннтаг дрался на кулаках. Охранять ультраправых активистов, которые раздавали расистские листовки, он ходил с дубинкой. Зоннтаг всегда искал повода напасть первым. Ворх вспоминает, как они колесили по Франкфурту в поисках панков и анархистов. «Он всегда был на передовой», — говорит Ворх.

А еще именно Зоннтаг общался с прессой — и благодаря этому получил контроль над одним из немногих источников заработка неонацистов. Газетчики давали по 550 марок за интервью (660 долларов на сегодняшние деньги), а съемочные группы — по 950 марок (1 280 долларов). Перед выборами французские телевизионщики заплатили 2000 франков (800 долларов), а датские журналисты оплатили бензин, когда неонацисты отправились на загородный слет.

Чем хуже становилось здоровье Кюнена, тем выше поднимался Зоннтаг в неонацистской иерархии. «Внезапно он стал главным, — говорит Цухольд. — У Кюнена уже был СПИД, а Зоннтаг был главным претендентом на его место». Это смущало многих неонацистов. По словам Инго Хассельблаха, Зоннтагу «не доверяли», да и его работу в борделе считали предосудительной: «Мы все предупреждали Кюнена. Говорили ему: "С этим парнем что-то не так"».

Но успехи Зоннтага были огромной удачей для Шнайдера и Путина. В сохранившихся до наших дней документах нет конкретной информации, которую неонацист передавал своим кураторам, но больше всего Штази и КГБ были заинтересованы в том,

чтобы наладить прямые связи с влиятельными людьми. Самым знаменитым достижением Штази такого рода была вербовка Гюнтера Гийома — референта канцлера ФРГ Вилли Брандта, который ушел в отставку в 1974 году после разоблачения помощника. К концу 1980-х было очевидно, что неонацисты становятся влиятельной политической силой. Зоннтаг, который вплотную приблизился к их верхушке, был бесценным кадровым активом.

В начале 1989 года, воспользовавшись волной ксенофобии в Лангене, неонацисты с легкостью собрали подписи, чтобы зарегистрировать «Национальную ассамблею» на местных выборах, а Зоннтаг возглавил партийный список. Победа была бы огромным шагом к тому, чтобы Ланген стал *ausländerfrei.* Но в дело вмешались федеральные власти: партию сняли с выборов, а в доме одного из ее лидеров Хайнца Райса провели обыск и в прямом телеэфире изъяли его любимый портрет Гитлера.

Но неонацисты, как обычно, перегруппировались. В ноябре того же года пала Берлинская стена. Весь мир праздновал это событие, восточные немцы наслаждались капиталистическим изобилием в магазинах, а соратники Кюнена в Лангене почуяли новые возможности. Что если начать ультраправую революцию в ГДР? Восточные немцы внезапно оказались в ситуации неопределенности. Национал-социализм, который яростно боролся с коммунизмом, мог стать для них новой точкой опоры.

В некотором смысле неонацисты уже заложили основу для такого сдвига. После запрета «Национальной ассамблеи» они основали массу

новых организаций. Одна из них, «Немецкая альтернатива», должна была стать прикрытием для начала политической борьбы на востоке. «Для НА в Средней Германии будет сформулирована партийная программа, которая позволит ей получить официальную регистрацию», — говорилось в революционной стратегии под названием *Arbeitsplan Ost,* то есть «Рабочий план "Восток"».

Следующий шаг — завоевать новых сторонников. Каждый понедельник на церковную площадь в Лейпциге, втором по величине городе Восточной Германии, выходило по полмиллиона человек, которые протестовали против распадающегося социалистического режима. По мере того, как мирный протест распространялся по ГДР, неонацисты стремились переманить его участников — а затем и всю страну — на сторону политического экстремизма, расизма и ксенофобии. Как было сказано в одном из документов *Arbeitsplan Ost,* «- наши активисты будут участвовать в демонстрациях и постараются их радикализировать».

Но один из неонацистских лидеров Геральд Хесс сомневался в успехе этого плана — в первую очередь из-за саботажа. Он был убежден, что кто-то сливает информацию об *Arbeitsplan Ost* властям. Поначалу его подозрения пали на документалиста Михаэля Шмидта, который только-только сблизился с Кюненом. Хесс и сам дружил со Шмидтом. Они даже были вместе на домашнем просмотре нацистского пропагандистского фильма 1940 года, в котором евреи были показаны крысами. Но у Хесса началась паранойя.

Летом 1990 года он пригласил Шмидта выпить пива — и поговорить начистоту. «Ты мне нравишься, ты же знаешь, — сказал Хесс. — Но я тебе больше не доверяю. Ты стучишь?» Шмидту удалось убедить Хесса, что он не предатель, но тот, конечно, на этом не успокоился и продолжил поиски.

Внимание Хесса переключилось на Зоннтага, который тоже был в неонацистском движении ФРГ относительно недавно. Но вывести его на чистую воду Хессу так и не удалось: через пять дней после встречи с Шмидтом он был найден у себя дома мертвым, с раной от выстрела из дробовика в грудь. «Здесь, в Лангене, многие думают, что это ты убил Геральда, — писал Кюнен Зоннтагу 24 августа 1990 года. — Обстоятельства туманны. Одни улики указывают на самоубийство, другие — на убийство».

Возможно, Зоннтага и правда подозревали в убийстве Хесса, но его полезность для движения в итоге перевесила. Вскоре он отправился в свой родной город. По Лангену ходили слухи, что с собой он прихватил дробовик и 6000 марок, которые украл у Хесса. Зоннтаг, прекрасно ориентирующийся в злачных местах, темных переулках и трущобах Дрездена, был идеальным кандидатом для того, чтобы привести *Arbeitsplan Ost* в действие. Скоро он начал создавать в ГДР сеть партий и организаций, связанных с Кюненом: «Национальное сопротивление», «СС-Восток», «Саксонское братство вервольфов».

Но сначала Зоннтаг связался со своим восточногерманским куратором — первым делом, как только вернулся домой. На пограничном пункте

между Баварией и Тюрингией он потребовал, чтобы к нему вызвали Георга Йоханнеса Шнайдера. Он был готов говорить только с ним.

V

К этому времени Путина в Дрездене уже не было. Пока толпа антикоммунистов штурмовала здание на Ангеликаштрассе, он жег документы, а затем вернулся в Советский Союз. Репрессивная система Восточной Германии развалилась. Большинство агентов KI и Штази просто в один день перестали получать оклады. Но в штаб-квартире Штази в Берлине — своего рода запретном городе, ее даже не обозначали на тогдашних картах — еще два дня горел свет. Когда горожане все-таки прорвались внутрь, они поняли — почему: агенты Штази сутками напролет уничтожали архивы, начиная с дел жителей Запада, которых удавалось завербовать. В одном только берлинском здании было больше сотни шредеров.

После развала восточногерманской разведки Шнайдер оказался там же, где начинал — в дрезденской полиции. Он возглавил департамент, который занимался борьбой с правыми и левыми экстремистами. Недавно вернувшийся в город Зоннтаг оказался отличным инструментом, чтобы «устраивать заварушки», рассказывал Шнайдер Цухольду, когда они выпивали вместе в 1991 году. Самого Цухольда еще в 1988 году приговорили к трем годам тюрьмы за несанкционированную работу на КГБ. Когда он вышел, то вернулся в разведку, чтобы следить за Шнайдером и Путиным. (Цухольд

утверждает, что они несколько раз встречались в 1991-1993 годах.)

Во время другой встречи Шнайдер рассказал Цухольду, что использует Зоннтага, чтобы натравить неонацистов на панков и анархистов. Бывший коллега Путина объяснил, что использует ультраправых, чтобы держать в узде ультралевых — и наоборот. Он не хотел, чтобы одна из сторон воцарилась на улицах Дрездена; ему был нужен хаос. Поэтому полиция часто закрывала глаза на банду Зоннтага, а иногда даже помогала ей. Как-то раз, например, полицейский на своей личной машине подбросил Зоннтага к месту проведения акции прямого действия неонацистов.

Зоннтаг сконцентрировался на трущобах Горбица — он знал, что найдет там единомышленников. В подземном переходе на границе района было граффити, предупреждавшее неместных, что здесь принято здороваться словами «Хайль Гитлер!». Сообщение было богато украшено свастиками. Бледные подростки, которые слонялись по унылым улицам Горбица, часто имели при себе биты, цепи и кастеты. По словам одного полицейского психолога, они были потеряны в эпоху «экзистенциальных экономических, социопсихологических и политических перемен». В индустриальном сердце ГДР разваливались государственные предприятия, а с безработицей при объединении Германии ничего особо не делали.

Когда холодная рука государства ослабила хватку над общественной жизнью, не видящая будущего молодежь потянулась по серому лабиринту улиц

Горбица к мрачному центру, где располагалась пивная *Grüner Heinrich*[5]. Именно тут и обосновался в 1990 году 35-летний Зоннтаг. В пивной его всегда сопровождала любимая немецкая овчарка.

Кюнену возвращение Зоннтага в родной город представлялось ключевым событием для *Arbeitsplan Ost.* Но у того были свои представления о том, что нужно делать. 35 тысяч жителей Горбица родились и выросли при однопартийной системе. Теперь они восторженно рвали свои партбилеты — и едва ли мечтали опять вступать в партию, даже если она называется «Немецкая альтернатива». По-настоящему им нужно было спустить пар. Зоннтаг приглашал подростков на пятничные «товарищеские вечера» в *Grüner Heinrich,* а потом сколачивал из них шайки, которые терроризировали мелких преступников и иностранцев. «Я ничего не имею против иностранцев, — признался он как-то социальному работнику по имени Хуссейн Джина. — Я просто хочу, чтобы их тут не было».

Чем больше у Зоннтага было сторонников, тем выше становился уровень насилия в городе. Ранним пасхальным утром 1991 года молодой работник скотобойни из Мозамбика по имени Жорж Гомондай — один из 90 тысяч рабочих-мигрантов, которые жили в анклаве отдельно от остальных дрезденцев, — погиб, когда его выбросила из трамвая банда неонацистов. «Это уже был вопрос жизни и смерти, — вспоминает Джина, который и сам, будучи иммигрантом, чувствовал угрозу. — Такие страшные истории рассказывали постоянно».

На похороны Гомондая пришли семь тысяч жителей Дрездена, но их возмущения было недостаточно, чтобы обуздать поднявшуюся волну ультраправого насилия. Очень скоро вербовка и провокации Зоннтага превратили город в новую столицу немецкого неонацизма, а сам он получил прозвище Дрезденский Шериф. Погостить к нему съезжались экстремисты со всей страны.

Самый яркий пример успехов Зоннтага запечатлела съемочная группа, когда на дрезденский вокзал приехал фюрер собственной персоной — Михаэль Кюнен. На хронике видно, как Кюнен, окруженный незаинтересованными полицейскими и самыми преданными сторонниками (и Зоннтаг в их числе), идет через толпу, которая кричит: «*Deutschland den Deutschen, Ausländer raus!*» — «Германия — для немцев, иностранцы — вон!»

По мере того, как Зоннтаг накапливал силы, Шнайдер начал беспокоиться, что его агент может окончательно сорваться с цепи. По словам Цухольда, Зоннтаг «со временем потерял всякую дисциплину и вышел из-под контроля». В апреле 1991 года Кюнен умер от осложнений СПИДа, и Зоннтаг стал одним из самых влиятельных неонацистов Германии. К этому времени он уже положил глаз на дрезденскую секс-индустрию. «Дрезден не должен превратиться во Франкфурт, — говорил он своим бойцам, которые вели наблюдение за публичными домами города, в том числе *Sex Shopping Center.* — Бордели необходимо уничтожить».

Впрочем, его слова вполне могли расходится с делом. В самоуправстве Зоннтага чувствовались его старые

уголовные привички: к примеру, когда его банда нападала на уличных торговцев, то крали их товар, а потом сами им приторговывали. Ходили слухи, что Зоннтаг решил напасть на бордель, потому что сутенеры отказались платить ему за защиту.

Вечером 31 мая банда Зоннтага была готова разнести в щепки *Sex Shopping Center*. Когда Николас Симеонидис достал обрез, Зоннтаг сразу ринулся в бой. Некоторые свидетели потом говорили, что у него был нож. Так или иначе, подняв руки, он уверенно шел на хозяина борделя и кричал, чтобы тот стрелял. Симеонидис медленно отступал, пока не уперся спиной в свою машину. Не спуская глаз с Зоннтага, он нащупал ручку, открыл дверь и плавно сел на пассажирское сиденье.

«Давай уже, стреляй! Что, кишка тонка?» — орал Зоннтаг.

В тот момент, когда Симеонидис попытался закрыть дверь машины, Зоннтаг перехватил ее железной хваткой. На мгновение оба застыли. Но тут Ронни Матц, напарник Симеонидиса, протянул с водительского сиденья руку с газовым баллончиком и прыснул им прямо в лицо Зоннтага. Все заволокло газом, и раздался выстрел — всего один.

Матц ударил по газам, и «мерседес» умчался прочь. Зоннтаг лежал на земле в медленно растекающейся луже крови. Выстрелом ему снесло левую часть головы.

VI

Когда Зонтаг умер, Шнайдер сказал Цухольду, что так «было лучше для всех». Но на самом деле его смерть имела даже более отвратительные последствия, чем жизнь. Он сразу же стал мучеником неонацистского движения, а его последователи выместили свой гнев на Дрездене. Сначала они уничтожили *Sex Shopping Center* — и исполнили обещание, которое дали своему вожаку. А в следующие дни, недели и даже месяцы начали в городе настоящий террор.

Скинхеды громили магазины и нападали на любого, кто был хотя бы немного похож на иностранца. Полиция, если и приезжала на место преступления, то всегда слишком поздно. «Те из нас, у кого был другой цвет кожи, просто не выходили на улицу после шести вечера, — рассказывает Джина. — Когда садилось солнце, нам становилось страшно». На него нападали дважды, и ему с трудом удавалось убежать.

Ник Грегер, которому в 1991 году было пятнадцать, настолько вдохновился происходящим в Дрездене, что убежал из родительского дома в Баварии, чтобы присоединиться к погромщикам. «Это было ужасно, — вспоминает Грегер, который давно раскаялся в экстремистском прошлом. — Знаете, у нас были белые шнурки — потому что белая сила. И один раз я проснулся, а они у меня красные. И я подумал: "Ох, нет-нет-нет, я кого-то убил!"» Другой молодой неонацист, кровельщик по имени Себастиан Ребигер, устраивал бдения памяти Зонтага около *Sex Shopping Center*. Позже он стал одним из лидеров организации «Викингюгенд».

Вскоре насилие стало распространяться и пришло в город Хойерсверда, расположенный в 50 километрах к северо-востоку от Дрездена. Там в сентябре 1991-го скинхеды закидали «коктейлями Молотова» дома беженцев. В том же году Хойерсверда был объявлен первым немецким городом, который стал *ausländerfrei*. То, что никак не получалось у неонацистов на Западе, стало получаться на Востоке.

Иллюстрация: Sam Green / The Atavist Magazine

Марш в память о Зонтаге, который состоялся через две недели после его смерти, считается самым большим неонацистским мероприятием с конца Второй мировой. Пасмурным днем двухтысячная толпа направлялась по Дрездену к неоренессансному зданию городских судов. Они шли под бой барабанов и с каждым шагом становились все агрессивнее. Многие выросли в коммунистической пустоши восточногерманских пригородов и пришли отдать дань памяти герою, который обещал им прекрасное будущее без нищеты, преступности и волнений — и погиб в самом расцвете сил. «Он был необыкновенным человеком, — кричал один из маршировавших в мегафон. — Он не был одним из многих. Он был надежным товарищем, наставником для своих последователей, выдающимся проводником наших идеалов».

Люди в толпе начали вскидывать в воздух правые руки, с тремя вытянутыми пальцами, которые образовывали букву *W — Widerstand,* «сопротивление».

«Райнер Зоннтаг мертв, — продолжал мужчина. — Но Германия живет».

Толпа взорвалась: «Зиг хайль! Зиг хайль! Зиг хайль! Зиг хайль!»

Это было не последнее сборище сторонников Зоннтага. В марте 1992 года Симеонидис и Матц были оправданы по делу об убийстве Дрезденского Шерифа — суд счел их действия самообороной. Неонацисты взбунтовались. Оправдательный приговор в итоге был пересмотрен, и оба обвиняемых сели в тюрьму.

В общем, как уже было сказано, смерть Зоннтага стала идеальным сюжетом для ультраправой пропаганды. «У нас всегда был этот образ страшных иностранцев, которые убивают немцев, а тут в этого мужика стреляет грек! — рассказывает бывший неонацист Инго Хассельблах. — Просто идеальное попадание».

Через несколько лет после того, как упал «железный занавес», Шнайдер был арестован за шпионаж в пользу Москвы — на основе информации, собранной Цухольдом. Его уволили из дрезденской полиции, и он стал частным детективом. В 1999 году к нему в квартиру ворвались несколько мужчин и избили его арматурой. Цухольд считает, что это были его старые контакты из уголовного мира. Два дня Шнайдер пролежал в коме, а когда пришел в себя, изменился до неузнаваемости. «Это был совсем другой человек, — рассказывает Цухольд. — Когда мы беседовали,

он мог вдруг рассмеяться, а потом так же внезапно заплакать. У него явно были очень серьезные травмы». Следующие десять лет Шнайдер провел в местном ирландском пабе. Он умер в 2010-м, ему было 62 года.

Сам Цухольд начал совершенно новую жизнь — стал администратором гостиницы, а потом консультантом по безопасности. Он утверждает, что в 2017 году в поезде Фульда-Лейпциг на него было совершено покушение. «Около 11 утра ко мне сзади подошел незнакомец и схватил меня за руку, — бывший разведчик Цухольд помнит инцидент в мельчайших деталях. — Во время контакта он воткнул мне в левое плечо острый предмет. Затем сказал: "Прощу прощения", — вышел из купе и пошел в начало состава». Цухольд почти сразу почувствовал слабость, а левая рука распухла. Через неделю его положили в больницу. Врачи несколько часов оперировали опухшую руку; по результатам анализов они поставили диагноз «подозрение на абсцесс», хотя вся ситуация подозрительно напоминает тактику российских спецслужб, которые очень похожим образом устраняли врагов государства, и лично Владимира Путина.

Если во всей этой грязной истории и есть победитель, то это Путин, который стал одним из самых влиятельных людей в мире. С тех пор, как он пришел к власти в России в 2000-м году, превращая демократию в автократию, уничтожая крупный частный бизнес и независимые СМИ, устраняя оппозиционных политиков и журналистов, он неоднократно использовал в своих целях ультраправых. «Путин никогда не был хорошим коммунистом, — говорит украинский

политолог Антон Шеховцов, автор книги "Россия и ультраправый Запад". — Для него главным было служение государству».

Путин всячески поддерживает националистические настроения в России. Взять хотя бы байкеров из «Ночных волков», с которыми он катался на мотоциклах, или созданное им движение «Наши», которое неоднократно прибегало к помощи ультраправых футбольных фанатов. Он также вербует сторонников среди европейских неофашистов. Лидер французского «Национального фронта» Марин ле Пен получила от России около 11 млн долларов на свою избирательную кампанию. Руководитель итальянской «Лиги» Маттео Сальвини, который позировал в майке с Путиным на Красной площади и называл его «лучшим политиком современности», также получал деньги из Москвы. Прямо сейчас популистские лидеры в Будапеште и Белграде продолжают нахваливать Путина, пока российские танки уничтожают Украину.

Влияние Путина до сих пор чувствуется и в стране, где он служил разведчиком: Кремль наладил связи с «Альтернативой для Германии» — ультраправой партией, которая настолько открыто дает площадку антисемитам и расистам, что официально находится под надсмотром местных спецслужб. Штаб-квартира находится в сердце Саксонии — и Дрезден остается оплотом немецкого неонацизма со времен Зонтага.

В 2014 году в городе появилась движение *PEGIDA* («Патриотические европейцы против исламизации Запада»). В 2019-м местные власти заявили о «нацистской угрозе» в Дрездене. На

следующий год президент страны Франк-Вальтер Штайнмайер предупредил, что 75-летняя годовщина бомбардировки города британской авиацией может спровоцировать массовые выступления ультраправых. В этом году прогноз Штайнмайера сбылся, когда в память о событиях Второй мировой около 750 неонацистов прошли по городу под музыку Рихарда Вагнера, любимого композитора Гитлера.

Ультраправое движение в Германии продолжает набирать силу. «Оно будет становиться мощнее, маскируясь под неоконсервативные политические партии», — предсказывал Цухольд. В некотором смысле *Arbeitsplan Ost* работает. Мерзкое наследие Райнера Зонтага и его кураторов живо.

Авторы: Ли Болдуин, Шон Уильямс

Оригинал: «*Follow the Leader*», *The Atavist Magazine, No. 128, published in partnership with SourceMaterial.*

Перевод: Д. Г.

---

1. Официальное молодежное объединение в ГДР.
2. Hauptverwaltung Aufklärung — Главное разведывательное управление министерства госбезопасности ГДР.
3. Отказ от использования идеологических установок в государственной политике в пользу сугубо практических соображений и интересов.
4. Улице Немецкого единства.
5. «Зеленый Генрих»